

В. М. Юрин*, **Н. В. Арзамасцева****

Улики поведения как средство изобличения преступника

Отмечая актуальность, научную и практическую значимость проблемы изобличения преступника, хотелось бы развить мысль о богатстве эвристического потенциала явлений (событий), причинно не связанных с преступлением, но имеющих отношение к распознаванию (обнаружению) преступления, выявлению и изобличению виновных. Речь идет о многообразных по характеру и природе явлениях, которые при определенных условиях, в частности при наличии связи с виновным лицом, становятся уликами — косвенными доказательствами по уголовному делу.

В последнее время широкое повсеместное распространение получили дела о преступлениях в сфере экономики, совершаемых под видом сделки. Об этом свидетельствуют многочисленные факты обмана граждан различными финансово-инвестиционными компаниями, туристическими, строительными, торговыми и иными фирмами. По результатам «деятельности» одних только финансово-инвестиционных компаний следственными органами возбуждено и расследуется более тысячи уголовных дел, число потерпевших по ним превысило 1,5 млн человек, а общая сумма ущерба по различным оценкам составляет от 5 до 15 трлн руб. Фиктивная сделка сопутствует осуществлению и других преступных операций: вывозу капитала из страны; уклонению от уплаты налогов; преднамеренному банкротству и т. д. Очевидно, что именно в силу латентности и маскировки значительная часть социально опасных деяний остается за пределами досягаемости правоохранительных органов.

Существуют прогнозы, что преступления, совершаемые под видом правомерной сделки, будут расти и в дальнейшем. Это обязывает правоохранительные органы существенно повысить эффективность своей работы, причем не только в плане обнаружения преступлений, но и в части доказывания, изобличения виновных. Эта проблема, как и выявление замаскированных правонарушений, стоит достаточно остро, о чем можно судить по количеству прекращенных уголовных дел данной категории. Так, по данным МВД РФ в 2001 г. удельный вес прекращенных уголовных дел о мошенничестве составил почти 30 %. В отдельных субъектах Российской Федерации соответствующий показатель превысил общероссийский уровень в два и более раза. Не лучшим образом обстоят дела и с расследованием фиктивного и преднамеренного банкротства, а также иных экономических преступлений.

Очевидно, что само по себе прекращение уголовного дела не является чем-то исключительным. Тем более, что такой исход расследования предусматривается уголовно-процессуальным законом. Однако, когда количество прекращенных уголовных дел составляет одну треть и более, то подобная ситуация свидетельствует о том, что в расследовании соответствующих преступлений далеко не все благополучно.

Практика показывает, что «брак» в работе правоохранительных органов во многом связан с доказыванием виновности, установлением субъективной стороны преступления. По делам об экономических преступлениях — это ключевая задача, которая предопределяет эффективность расследования и от решения которой зависит очень многое. Так, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, при-

* Доцент кафедры криминалистики Саратовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

** Старший преподаватель кафедры административно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Саратовского юридического института МВД России.

своении и растрате»¹ «в случаях, когда лицо получает чужое имущество или приобретает право на него, не намереваясь при этом исполнять обязательства, связанные с условиями передачи ему указанного имущества или права, в результате чего потерпевшему причиняется материальный ущерб, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, если умысел, направленный на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, возник у лица до получения чужого имущества или права на него». Из этого следует, что состав мошенничества исключается, если умысел лица изначально был направлен на исполнение обязательств по сделке, но затем вследствие определенных обстоятельств, возникших после получения имущества, он изменился. Не будет мошенничества и в том случае, когда лицо, заключая сделку, преследовало цель получить имущество во временное пользование. Иными словами, чтобы сделать вывод о наличии или отсутствии состава мошенничества, необходимо точно знать, каковым было намерение лица при завладении имуществом. Только тогда можно правильно разграничить в случае неисполнения обязательств по сделке гражданско-правовой деликт и мошенничество, а также мошенничество и другие смежные составы преступлений.

Соответствующее правовое значение имеют и другие признаки субъективной стороны преступления — мотив преступления, степень вины субъекта и т. д. Все эти признаки должны быть установлены и доказаны фактическими обстоятельствами дела. Это далеко не легкая задача. На данное обстоятельство обратили внимание 85 % опрошенных следователей, специализирующихся на расследовании экономических преступлений. По мнению большинства из них, устанавливая субъективную сторону преступления, они, как правило, всегда испытывают большие трудности.

Трудности в этом случае порождаются рядом обстоятельств.

Во-первых, тем, что познавать приходится не внешнюю доступную для восприятия сторону поведения преступника, а его психологию — помыслы, мотивы, намерения и т. д. Для этого требуется своя технология, нужны особые методы. К сожалению, далеко не все следователи ими владеют. Отсюда нередки ошибки, просчеты и упущения в расследовании.

Во-вторых, осуществляя преступный замысел, виновные лица тщательно маскируют противоправную деятельность, скрывают свои действительные цели и намерения. Адекватно этому избираются способы и средства совершения преступления. В частности, нередко для этого преступники прибегают к различным гражданско-правовым сделкам. В таком случае противоправный замысел распознается с трудом, ибо внешне преступная операция мало чем отличается от обычной сделки.

В-третьих, трудности познания субъективной стороны преступления порождаются противодействием расследованию. «Беловоротничковые» редко признают свою вину. В некоторых случаях они подтверждают факт причинения материального ущерба, выражают готовность его возместить, однако всегда отрицают умышленный характер причинения вреда. Ответственность за последствия обычно перекладывают на других лиц, якобы причастных к преступлению. Нередко в этом качестве выставляются юридические лица: лжефирмы, в их числе и однодневки, и прекратившие свое существование². Иногда причина утраты имущества связывается с определенным событием: разбойным нападением; кражей; пожаром; стихийным бедствием и т. д. Для придания правдоподобного характера соответствующим версиям виновные лица прибегают к инсценировкам, т. е. создают искусственные доказательства иного события. Цель всех подобных действий —

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.

² См.: Криминалистика : учебник / под ред. А. Г. Филиппова, А. Ф. Вольнского. М., 1998. С. 417.

убедить потерпевшего и правоохранительные органы в своей порядочности, невиновности и тем самым направить ход развития исследуемого события в русло обычного гражданского дела.

Чтобы избежать разоблачения и наказания, преступники идут также на подкуп свидетелей, потерпевших, должностных лиц. Например, крупные мошеннические организации на эти цели затрачивают до 30 % получаемой прибыли¹.

В этих условиях правильно установить субъективную сторону экономического преступления можно лишь на основе достаточной совокупности доказательств, включающей, разумеется, как прямые, так и косвенные доказательства.

Косвенным доказательством умысла лица на хищение может служить способ совершения преступления — обманные действия при заключении сделки. Это обещание сверхвысоких процентов по договору займа (страхования, аренды), обязательство предоставить престижную, высокооплачиваемую работу, заведомо ложная реклама, использование в этих же целях различных заведомо подложных документов о финансовом состоянии предприятия, наличии у лица определенного права (на получение льготного кредита, эксклюзивного права продажи собственности), гарантийных писем и т. д.

Важную информацию о направленности умысла лица может дать анализ его поведения в период, предшествующий заключению сделки. «Рассмотрение совершенного преступного акта поведения в единстве с предшествующей деятельностью лица, — пишет Б. Я. Петелин, — дает возможность выявить психологическое содержание всей его деятельности в целом и входящих в нее непреступных действий — эпизодов, в которых четко выражены мотивы и цели их совершения. Это помогает в большинстве случаев выявить общие мотивы и цели деятельности лица, а также форму вины, мотив и цель преступного акта поведения, который выступает в качестве последнего, завершающего эпизода данной деятельности»².

Доказательством того, что умысел был направлен на хищение, могут служить и такие факты, как создание фирмы по подложным документам, изменения в составе учредителей фирмы (смена учредителей), официальный переход руководителя на второстепенную должность (или оставление за собой таковой должности с момента создания фирмы), временный прием на работу персонала предприятия, заключение договора аренды помещений (под офис, склады и т. д.) на минимально короткий срок, наличие ранее заключенных аналогичных соглашений с иными субъектами (например, получение одноименных вещей в других пунктах проката, получение под те же цели кредита в других банках), наличие фиктивных соглашений с другими фирмами, послуживших основанием для заключения исследуемой сделки.

Не меньшее значение для познания умысла имеет и поведение лица при заключении сделки. В частности, определенный интерес в этом плане представляет его позиция при согласовании условий договора. В пользу того, что умысел был направлен на хищение, могут говорить такие факты, как уступки в пользу потерпевшего, готовность подписать соглашение на любых условиях, принятие обременительных, заведомо невыгодных условий договора и т. д.

О направленности умысла может свидетельствовать и деятельность лица после завладения имуществом. Умысел на хищение в этом случае подтверждают такие факты, как продажа товара, полученного во временное пользование сразу же после завладения им, выдача в качестве беспроцентной суды денежных средств, полученных под определенный процент в кредит для других целей, соз-

¹ См.: *Жариков Е.* Мошенничество в бизнесе // Управление персоналом. 2000. № 3. С. 12.

² *Петелин Б. Я.* Психологический анализ преступного поведения // Советское государство и право. 1973. № 5. С. 75.

дание фирм для перевода собственности в другие подконтрольные коммерческие структуры и т. д.

Если сделка заключалась от имени юридического лица, то в таких случаях важно также выяснить: поступило ли имущество в фирму; оприходовано ли оно; проведено ли по счетам бухгалтерского учета; включено ли в баланс предприятия и т. д. Получение ответов на эти и подобные вопросы в ряде случаев позволяет сделать вывод, что фирма была лишь прикрытием для завладения имуществом, получив которое виновные распорядились им по своему усмотрению — напрямую, минуя фирму.

Так, А., являясь одновременно генеральным директором двух коммерческих организаций в Саратове, находящихся в состоянии фактического банкротства, заключил от имени ТОО «Яблонька» с одной из московских фирм договор купли-продажи товаров народного потребления на сумму более 1 млн руб., предъявив в качестве гарантии обеспечения обязательств фиктивную гарантию «Симбирбанка». В связи с неисполнением обязательств и уклонением А. от возврата полученного обманым путем от имени ТОО «Яблонька» товара было возбуждено уголовное дело о хищении чужого имущества путем мошенничества. Расследованием, в том числе документальной ревизией, установлено, что ТОО «Яблонька» товар от московской фирмы не получала. Выяснилось, что большая часть товара пошла на погашение долгов АОЗТ «Кавказ» (где А. также был одним из учредителей и генеральным директором), а оставшаяся часть товара от имени той же фирмы была передана для реализации другим организациям Саратова. Иными словами, А., минуя ТОО «Яблонька», сам распорядился полученным имуществом, обратив его в пользу другого юридического лица. На это обстоятельство обратил внимание суд в своем приговоре, квалифицируя действия А. как мошенничество.

При познании субъективной стороны важно также изучить и оценить обстановку, в которой совершалось преступление. Она определяется многими факторами. Наибольшее значение в рассматриваемом контексте имеет производственно-хозяйственная деятельность юридического лица, под прикрытием которого действовали мошенники. Иногда уже беглый анализ такой деятельности позволяет распознать истинные мотивы и цели заключенной сделки. Так, отсутствие производственных мощностей, людских ресурсов, необходимого оборудования, лицензии на осуществление деятельности, направленной на исполнение его обязательств по договору, и других обстоятельств, выявляемых следственным путем (осмотром, ревизией, выемкой документов и т. д.), позволяет сделать однозначный вывод, что цель заключенной сделки состояла в завладении имуществом потерпевшего.

Анализ производственно-хозяйственной деятельности важен и в том случае, когда видимых нарушений в соответствующей деятельности не обнаружено, но фирма оказалась банкротом. Здесь изучение и оценка деятельности юридического лица позволяет установить действительные причины банкротства. Свидетельством того, что имело место преднамеренное, заранее спланированное банкротство могут служить такие факты, как заключение нелогичных с хозяйственной точки зрения договоров, заведомо невыполнимых и убыточных сделок, отказ от сотрудничества с выгодными партнерами и клиентами, принятие явно некомпетентных решений, значительно увеличивающих неплатежеспособность предприятия, выплата чрезмерно завышенных окладов и премий, списание дебиторской задолженности без какой-либо попытки ее истребовать от должника, перевод иностранной валюты за границу по фиктивным контрактам и т. д.

При доказывании умысла и вины лица в совершении хищения следует учитывать и обстоятельства, относящиеся к личности подозреваемого (обвиняемого). И хотя в литературе значение данных о личности для доказывания вины иногда отрицается, считая такую позицию изначально ошибочной, ибо центр тяжести в до-

казывании в таком случае якобы смещается с деяния на личность, пренебрегать ими было бы необоснованно. Разумеется, как бы негативно ни характеризовалось лицо, сколь бы большим мошенническим опытом оно ни обладало, эти данные сами по себе еще не говорят о его виновности в совершении преступления. Однако эти данные обретают иной смысл, если их рассматривать в совокупности со всеми другими доказательствами, собранными по уголовному делу. Так, наличие определенных профессиональных знаний и навыков, опыт работы в определенной сфере деятельности и иные сведения о личности подозреваемого (обвиняемого) могут указывать на то, что лицо не могло не знать о характере и последствиях совершаемых действий.

Например, по делу о мошенничестве с заведомо необеспеченными векселями экспертиза установила, что для оплаты выпущенных векселей необходимо было так использовать мобилизованные предприятием средства, чтобы это дало возможность получить прибыль в размере не менее 114 % от их суммы за три месяца. Сопоставляя этот вывод с показателем обычной рентабельности предприятия, суд пришел к заключению, что «профессиональный руководитель не мог не знать об объективной невозможности исполнения принимаемых обязательств, и, тем не менее, пошел на выдачу этих векселей»¹.

Иными словами, профессиональные знания, опыт работы в качестве руководителя предприятия были приняты во внимание судом при доказывании субъективной стороны мошенничества. Этот пример показывает, что и следователь, и суд не вправе пренебрегать определенными данными о личности при доказывании умысла и вины лица в совершении преступления. В совокупности с другими доказательствами они способствуют установлению истины по уголовному делу².

При познании умысла нельзя сбрасывать со счетов и прежнюю преступную деятельность лица. И хотя между этой деятельностью и распознаваемым событием нередко нет прямой связи, исключать ее значения было бы неверным шагом. Практика показывает, что знание прежней деятельности виновного в связи с исследованием нового события позволяет обнаружить закономерности его преступного поведения, провести известные параллели между прежним и новым событием, восстановить недостающие звенья в цепи исследуемого события. Изучение прежней преступной деятельности важно и для познания психологии личности, его жизненных планов, интересов, потребностей, установок и т. д.

Все это не может не учитываться при познании субъективной стороны поступков, совершенных данным лицом. По этому поводу Л. Е. Владимиров в свое время писал, что факт совершения подобного преступления прежде «не есть обстоятельство рассматриваемого дела и не может быть доказательством. Понятно — почему. Прежнее преступление не находится в тесной связи ни с одним из фактов рассматриваемого дела. Но события, не связанные с рассматриваемыми на суде, допускаются в качестве доказательств психологических фактов, например умысла. По обвинению в выпуске и в обращение фальшивых кредиток допускается доказательство, что подсудимый и прежде этим занимался. А в одном новейшем деле было высказано, что если совершение деяния доказано и остается нерешенным только вопрос о том, сознавал ли подсудимый преступность своего действия, то может быть допущено доказательство, что он совершал в то же время подобные же действия. Такое

¹ Белов В. А. Вексельные преступления // Законодательство. 1997. № 5. С. 12.

² В этой связи нельзя согласиться с утверждением К. Е. Ривкина, что должностное положение и высшее экономическое образование не могут служить доказательством виновности лица в совершении экономического преступления. (См.: Налоговые преступления: вина должна быть доказана // Новое в бухгалтерском учете и отчетности. 2000. № 14–15).

доказательство может дать основание для предположения, что, совершая свое преступление, подсудимый действовал не под влиянием заблуждения или ошибки»¹.

В этом отношении важно обратить внимание и на такую сторону личности подозреваемого (заподозренного), как его образ жизни. Академик В. Н. Кудрявцев указывает, что «с началом преступных действий личность преступника, его поступки, преступные и не преступные, образ жизни, социальные контакты и вся сфера общения могут претерпевать значительные изменения»². Поэтому, сопоставив образ жизни до и после совершения преступления, можно обнаружить в нем разительные перемены, что также может служить в качестве косвенного доказательства вины лица в совершении преступления.

Определенный интерес в этом плане представляет дело по обвинению Буренкова, рассмотренное Президиумом Верховного Суда РФ по протесту заместителя Председателя Верховного Суда РФ.

Буренков был осужден Ярославским областным судом за мошенничество, совершенное повторно. В течение нескольких месяцев Буренков лично и через посредников заключал устные и письменные договоры с частными лицами, представителями предприятий и организаций на поставку сахарного песка, а с представителем училища культуры — на поставку гречневой крупы. Не имея намерений и возможности выполнить указанные в договорах обязательства, Буренков путем обмана и злоупотребления доверием присваивал полученные по договорам различные суммы денег, которые тратил на свои личные нужды, выплачивал вознаграждения посредникам за оказанные услуги.

Данное уголовное дело неоднократно пересматривалось различными судебными инстанциями, в том числе производство по нему прекращалось за отсутствием в действиях виновного состава преступления. Окончательную точку в этом деле поставил Президиум Верховного Суда РФ. Он признал приговор Ярославского областного суда законным и обоснованным. Оценивая доказательства виновности Буренкова, Президиум сослался на показания целого ряда свидетелей, из которых следовало, что Буренков нигде не работал, реальной возможности поставить сахарный песок и крупу не имел, покупал много дорогостоящих вещей, вел праздный образ жизни. Как видим, высший судебный орган страны также учитывает данные о личности обвиняемого, в частности его образ жизни до и после совершения преступления, для доказывания умысла и вины лица в совершении преступления.

Таким образом, правильное установление субъективной стороны преступления требует объективного и тщательного исследования всех обстоятельств расследуемого события, включая обстановку преступления, личность виновных лиц, их поведение до и после совершения преступления. Именно на такое поведение правоприменителя ориентирует Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в котором отмечается, что «использование лицом фиктивных уставных документов или фальшивых гарантийных писем, сокрытие информации о наличии задолженностей и залогов имущества, создание лжепредприятий, выступающих в качестве одной из сторон в сделке», и иные обстоятельства, характеризующие поведение мошенника, «не могут сами по себе предрешать выводы суда о виновности лица в совершении мошенничества. В каждом конкретном случае необходимо с учетом всех обстоятельств дела установить, что лицо заведомо не намеревалось исполнять свои обязательства».

¹ *Владимиров Л. Е.* Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1909; Тула, 2000. С. 183.

² *Кудрявцев В. Н.* Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования : учебное пособие. М., 1998. С. 123.

Т. С. Алексеева*

Деятельность таможенных органов по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации: вопросы эффективности

В условиях мирового финансово-экономического кризиса требуется развитие всех сторон жизни российского общества, что предполагает теоретическое переосмысление роли Российского государства как объединительной социальной структуры, способной обеспечить и общенациональные интересы, и суверенные права отдельных его субъектов. В этой связи резко возрастает значение экономической безопасности Российской Федерации, поскольку она гарантирует конституционную стабильность, гражданский порядок, а также создает условия для защиты от внутренних и внешних угроз. Стратегический уровень обеспечения экономической безопасности в деятельности государственных органов, включая таможенные органы, предполагает наличие у государства таможенной политики, т. е. концептуальных политических и экономических государственных решений, получающих юридическое закрепление.

Таможенные органы реализуют государственную таможенную политику путем соблюдения таможенного законодательства, создания условий для расширения внешней торговли, а также обеспечения экономической безопасности Российской Федерации.

В силу многопланового, многоотраслевого характера таможенных органов исследование эффективности их деятельности имеет большое практическое значение, так как отражает целесообразность и полезность работы как органа исполнительной власти.

И. Б. Чепко отмечает, что значительную роль в эффективности деятельности таможенных органов играет «уровень сложности и разветвленности таможенной структуры, а также степень совершенства законодательной базы: чем органичнее структурирован аппарат таможенного регулирования и проще механизм исполнения правовых норм, тем более эффективна работа таможни»¹. Эффективность деятельности таможенных органов по обеспечению экономической безопасности в Российской Федерации можно рассматривать как совокупность трех элементов: эффективность таможенной политики и ее реализация; эффективность организационно-штатной структуры и материально-технической базы; эффективность таможенной деятельности².

Таможенная политика, будучи системой политико-правовых, экономических, организационных и иных мероприятий, направлена на реализацию и защиту как внутри-, так и внешнеэкономических интересов в целях динамичного осуществления политических и социально-экономических преобразований, происходящих

* Старший преподаватель кафедры таможенного дела и внешнеэкономической деятельности Алтайской академии экономики и права (институт), аспирант Саратовского юридического института МВД России.

¹ Чепко И. Б. Правоохранительная деятельность и борьба с коррупцией отдельных сотрудников таможенных органов как факторы повышения собираемости таможенных платежей и обеспечения экономической безопасности государства // Роль и место таможенной службы России в развитии экономики и обеспечении экономической безопасности в условиях глобализации внешней торговли : тезисы докладов научно-практической конференции. М., 2001. С. 240.

² См.: Косенко В. П., Опошня Л. И. Основы теории эффективности таможенного дела. М., 2005. С. 36.